

Опубликовано: Великий, А. Беларусь в XX ст. Сборник научн. работ: вып.2. – Минск, 2003. – С.52-60.

Ключевые слова: БУНД, социалисты-революционеры, БССР, Минск, А. Вайнштейн, учредительное собрание, большевики, евреи, РКП(б), КП(б)Б.

Бунд в коммунистической Беларуси: хроника политического уничтожения.

Придя к власти в результате октябрьского переворота, большевики сразу же определили свое отношение к национально-демократическим партиям и движениям, которые не разделяли их взглядов, как в центре, так и на местах. Ярким примером такого отношения стал разгон в начале 1918 г. Всероссийского учредительного собрания, а жесткое подавление выступления левых эсеров означало переход к однопартийной системе. Такие антидемократические действия распространялись и на Бунд, влияние которого было достаточно сильным в Беларуси.

О том, что Бунд попал под жесткий пресс новых властей, является, например, сообщение в газете «Дер Веккер» за 18 января 1918 г., в котором отмечалось, что «Большевицкий террор свирепеет. Напоминаем, что Бунд у новых самодержцев так же включен в «черный список», что мы для них являемся «предателями» и «врагами революции», что за принадлежность к Бунду теперь можно попасть в тюрьму, кто знает, пожалуй, получить каторгу, а через несколько дней быть осужденным к смертной казни. В Витебске городская дума разогнана. Сейчас готовятся разогнать Минскую городскую думу. Нельзя обойти это молчанием».¹

22 января этого же года «Дер Веккер» сообщал о митинге в Минске, организованном Бундом, на котором присутствовали и выступили лидеры Бунда – А.Вайнштейн, Эстер, Штерн и другие. В принятой на митинге резолюции отмечалось, что «Политика большевиков делается все более и более антидемократичной. Учредительное собрание избранное всем народом разогнано, разгоняются местные городские думы. Работой большевиков разрушается единство рабочего класса. Социалистическая пресса задушена, свобода собраний не обеспечена. Собрание усматривает в политике большевиков величайшую опасность для революции и ее завоеваний. Мы протестуем самым резким образом против антидемократичной политики большевиков. Мы будем бороться всеми возможностями против попытки разогнать местную городскую думу».²

Естественно, такие публикации в прессе и резолюции, принимаемые на митингах не могли остаться незамеченными большевиками. Однако у белорусских коммунистов в начале 20-х годов с одной стороны, не было сил, чтобы одномоментно расправиться с Бундом, с другой – Бунд имел сильное влияние в еврейской среде, с которым большевики не могли не считаться.

¹ Бунд в Беларуси. 1997-1921: Документы и материалы. Э.М.Савицкий.-Минск.:БенНИИДАД, 1997, С. 482

² Бунд в Беларуси С.487

Однако, значительному ослаблению позиций Бунда в Белоруссии способствовал сам Бунд, внутри которого начали оформляться различные, в том числе и пробольшевистские течения, представители которых приняли идеологию большевизма и начали сотрудничать с советской властью.

Ярким примером того, как исключительно грамотно, тактически и стратегически верно использовали белорусские большевики раскол в Бунде, является пример создания и непродолжительного существования Еврейской коммунистической партии (ЕКП), созданной в январе 1919 г. 15 января 1919 г. на Бюро ЦК КП(б)Б состоялось обсуждение вопроса о создании ЕКП, на котором произошли бурные дебаты не столько по поводу создания партии и ее программных документов, а сколько по названию. Представитель бундистов-коммунистов Свердлов настаивал на том, чтобы бы в названии новой партии сохранилось слово Бунд, так как «традиции настолько сильны, что с этим название трудно расстаться» и предложил назвать вновь создаваемую партию «Еврейский коммунистический Бунд». Однако члены Бюро Пикель, Найденов, Калманович, Кнорин выступили с резким протестом против этого, мотивируя свою точку зрения тем, что «сохранение слова «Бунд» в названии новой организации может привлечь в нее мелкобуржуазные элементы, которые могут повести партию по старому пути».³ В результате обсуждения было принято решение о необходимости создания ЕКП (за это предложение проголосовало 6 членов Бюро ЦК из 8 присутствовавших), но без употребления слова «Бунд».

О том, что ЕКП являлась марионеточной «партией», созданной всего лишь с тактическими целями, свидетельствует в частности, изучение ее программных документов. Так, в параграфе 1, вновь созданной партии, было провозглашено, что «Еврейская коммунистическая партия Белоруссии является частью Белорусской коммунистической партии, ставит себе те же общеполитические задачи, что и Белорусская коммунистическая партия и стремится достигнуть этого распространением идей коммунизма среди еврейских масс».⁴

Подтверждением того, что создание ЕКП это всего лишь тактический ход большевиков, направленный на раскол и так отнюдь не консолидированного еврейского политического лагеря, является признание газеты «Жизнь национальностей», сделанное 13 августа 1919 г. В статье, «Единая еврейская коммунистическая партия», прямо указывалось, что «Одновременно назревал раскол в рядах соглашательского Бунда и от него стали отказываться группы «левых бундовцев» и «бундистов-коммунистов». В январе сего года произошло в Минске слияние последних с «секционистами» и было положено основание Еврейской коммунистической партии Белоруссии, которая входила как органическая часть в КП(б)Белоруссии и подчинялась ее политическим решениям. *Названия «партия» не подходило к духу устава-программы новой организации, но это было принято вследствие временных тактических соображений в борьбе с*

³ НА РБ, ф.60, оп.3, д.498, л.381

⁴ НА РБ, ф.60, оп.3, д.781, л.1

еврейскими соглашательскими партиями. ЕКП вызвала огромный интерес среди масс. Организационная работа, широкая пропаганда на родном языке, повседневная борьба с Бундом, Паолей-Цион во имя коммунизма – все это расшевелило массы. *Давнишняя монополия Бунда на еврейский пролетариат была аннулирована*.⁵ Циничнее и прямее не скажешь, но правоверные «комми» всегда отличались цинизмом в национальном вопросе. Когда необходимость, опять же «по тактическим соображениям», в ЕКП отпала то в июне 1919 г. ЦК компартии Литвы и Белоруссии принял решение о её роспуске, так как большевики считали, что ее деятельность вела к организационному и идейному ослаблению еврейского пролетариата.⁶

О том, что ЦБ КП(б)Б, вынуждено было считаться с влиянием Бунда на еврейское население, его организационными структурами, опытом работы, видно из отчета ЦБ за июнь-август 1920 г, в котором подчеркивалось, что «Бунд в ряду остальных политических партий, организационно наиболее близко стоит к РКП. Бунд на основании постановления своей конференции заявляет о своей солидарности по вопросам программным и тактическим и подчеркивает свои тактические разногласия. Исходя из этого, ЦБ допустило Бунд к самому широкому участию в еврейской работе, но постановили своей целью, стремиться к изжитию бундовского влияния на профсоюзное движение. Влияние Бунда в Белоруссии было очень велико, но за последнее время день ото дня падает. Бунд подписал декларацию образования ССРБ и его представитель вошел в состав ВРК ССРБ. В руках Бунда находится заведование отделами здравоохранения и социального обеспечения».⁷

Однако влияние Бунда, вследствие жесткого давления со стороны правящей партии, падало буквально с каждым днем и в конце концов привело к вступлению его в РКП(б). Так, 5-12 марта 1921 г. в Минске состоялась Всероссийская чрезвычайная конференция Бунда, которая приняла предложение комиссии Коминтерна, о слиянии Бунда с РКП(б). Конференция признала, что «Все члены Бунда автоматически принимаются в РКП путем предоставления в комиссию местной организацией Бунда списков зарегистрированных у нее к моменту объединения членов с заполненными анкетами».⁸ Более того, всем членам Бунда, вступившим в РКП(б) партийный стаж начал исчисляться с апреля 1920 г., причем в партийную книжку заносился предыдущий партийный и революционный стаж. В 1921 г. в состав компартии БССР вошло 418 членов Бунда. Однако, с укрупнением в 1924 и 1926 гг. территории Беларуси в КП(б)Б вошло еще свыше 360 бундовцев и их общее количество в КП(б)Б достигло около 1000 человек.⁹

Следует отметить, что наибольшее количество выходцев из других партий, пополнивших ряды КП(б)Б в начале 20-х годов, являлись в прошлом членами Бунда. Так, по состоянию на июль 1924 г. (Всебелорусская перепись

⁵ НА РБ, ф.60, оп.3, д.787, л.89

⁶ Энциклапедыя гісторыя Беларусі Мн., 1994. Т.2. С.130

⁷ НА РБ, ф.60, оп.3, д.498, л.90

⁸ НА РБ, ф.4, оп.40, д.230, л.25

⁹ НА РБ, ф.4, оп.40, д.520, л.173

коммунистов) в КП(б)Б насчитывалось 9,6% выходцев из других политических партий. Однако, абсолютное большинство из них являлось в прошлом бундистами – 51,6%. Для сравнения, меньшевиков в КП(б)Б насчитывалось – 15,7%, паолей-ционистов – 8%, анархистов – 1,7%, выходцы из других партий – 10,5%.

Не смотря на то, что Бунд «согласился» вступить в РКП, тем не менее, в выступлении признанного лидера Бунда А.Вайнштейна на Внеочередной Всероссийской конференции Бунда, в Минске 7 марта 1921 г. открыто прозвучало, что «Мы не можем предвидеть, как закончится наша конференция. Но как бы она не закончилась, мы останемся верны основной мысли, которая нас воодушевляла на протяжении всей жизни. Мы, все те, которые за принятие предложения Коминтерна и те, кто против – мы все члены Бунда, мы останемся верны бундизму. Мы имеем свой взгляд, на вопрос о формах еврейского рабочего движения – оно должно быть построено на самостоятельности еврейских рабочих. Этому нашему взгляду мы останемся верны. Это наш бундизм, это Бунд. Никто из нас не перестал и не перестанет быть бундистом».¹⁰

Почти спустя месяц после конференции в обращении ЦК Бунда ко всем членам Бунда вновь подчеркивалось, что «Мы не отказываемся от нашего знамени. С гордостью и мужеством мы несем его вперед с нашим гимном (клятвой), с клятвой любви и безграничной верности к Бунду мы вступаем в ряды Российской партии. Мы не изменяем Бунду, мы не порываем нити нашей истории, мы ее продолжаем дальше».¹¹

Более того, уже бывшие бундовцы не скрывали своей принадлежности и верности бундизму не только на собраниях своих членов, но и перед большевистской аудиторией. Так, А.Вайнштейн, на торжественном собрании Минской организации КП(б)Б в 1921 г. заявил, что «Я не скрою от вас, что мы этих взглядов в целом и общем не изменили, мы остались при той мысли, что для дальнейшего движения рабочей революции было бы полезнее, если бы еврейская коммунистическая работа имела бы достаточно подвижные формы для своего развития».¹²

Однако, могла ли правящая партия согласиться с подобными заявлениями. Безусловно, нет, так как это в корне противоречило ленинскому пониманию интернационалистского характера роли партии и той бескомпромиссной борьбе В. Ленина, которую он вел на всем протяжении своей политической карьеры с Бундом.

Тем не менее, не смотря на жесткое давление на Бунд со стороны КП(б)Б в начале 20-х годов существовала определенная толерантность с её стороны в отношении бывших бундовцев. Более того, многие из них занимали руководящие партийно-государственные посты и их партийное прошлое еще не служило основанием для репрессий. Например, головокружительную партийную карьеру в Белоруссии сделал бундист-

¹⁰ НА РБ, ф.60, оп.3, д.787, л.1

¹¹ НА РБ, ф.60, оп.3, д.787, л.4

¹² В.М.Михнюк, Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919-1941 гг.) Минск, 1985, С.130

коммунист Кроль, который стал комиссаром внутренних дел БССР и за революционные заслуги был награжден орденом Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

В Мозырском округе секретарь Калининского Беккерман Х.Д. и Туровского райкомов партии Бабицкий Б.М. в прошлом являлись членами Бунда. Еще более высокий партийный пост занимал Нусинов И., член Бунда в 1917-1919 гг. В 1924 г. он являлся заведующим организационным отделом Борисовского окружка партии.

Другой бундовец «со стажем» Каменштейн С., вступивший в КП(б)Б в 1918 г. в 1924 г. являлся одним из трех штатных инструкторов ЦК КП(б)Б. К тому же, он перешел на работу в аппарат ЦК КП(б)Б с должности секретаря Бобруйского окружка партии. Такое отношение правящей партии к выходцам из Бунда свидетельствовало о довольно лояльном и даже доброжелательном отношении к тем, кто в не столь отдаленное время отнюдь не являлся правоверным марксистом.

Однако, коммунистический диоодохи Беларуси никогда не давали забывать бывшим бундовцам к какой партии они принадлежали до вступления в КП(б)Б. Так, выступая в сентябре 1925 г. с докладом «Особенности внутрипартийного положения КП(б)Б» на собрании бюро ячеек Минской городской партийной организации секретарь ЦК КП(б)Б А.Криницкий напомнил всем присутствующим, что «Наличие сильного бундистского движения мы иногда и теперь наблюдаем в некоторых частях КП(б)Б».¹³

Первый тревожный звонок, свидетельствующий о том, что в КП(б)Б наметился резкий поворот в отношении к выходцам из Бунда, прозвучал в начале 1926 г. 26 января 1926 г. Бюро ЦК на своем заседании 5-м пунктом рассмотрело на первый взгляд довольно обычный вопрос «Письмо о евработе» и единогласно приняло решение разослать письмо в местные партийные организации для обсуждения. Однако, уже первый абзац этого письма показывает, что в нем речь шла не о евработе вообще, а о Бунде и изжитии бундовских традиций среди членов КП(б)Б – бывших бундовцев. В нем отмечалось, что «ЦК КП(б)Б с одобрения ЦК ВКП(б) поставил вопрос о необходимости изжития меньшевистских традиций в тех слоях нашей организации, которые вышли из мелкобуржуазных партий. Наиболее крупной и типичной из этих партий, существующих в Белоруссии, является Бунд. В силу этого, (а так же в силу того, что бундизм пустил корни в рабочем движении, в среде руководящего класса) вопрос о борьбе против бундовских традиций приобрел особое значение».¹⁴ Анализ этого абзаца показывает, что инициатором («ЦК КП(б)Б с одобрения ЦК ВКП(б)» поставил вопрос) данного письма, означающего занятие более жесткой позиции по отношению к бундовцам, является ЦК КП(б)Б.

В чем же видело высшее партийное руководство республики проявление бундизма ? Прежде всего, в «1. Идеализации Бунда ...

¹³ В.Михнюк, Указ.соч.С.131

¹⁴ НА РБ, ф.4, оп.3, д.12, л.158

преувеличении революционных элементов в нем, болезненной реакции некоторых товарищей на критику бундизма; 2. Национальной ограниченности, заинтересованности вопросами только еврейского движения; 3. Цеховщине - недостаточном понимании роли пролетариата как класса-гегемона».¹⁵

Появление этого письма вызвало однозначно негативную реакцию бывших членов Бунда, которые не без основания увидели в нем прямую угрозу для себя. Вольно или невольно страсти по поводу письма подогрел отъезд из Беларуси в 1925 г. секретаря Минского угоркома партии Я.Левина, в прошлом члена Бунда.

Несмотря на призывы ЦК КП(б)Б по «товарищески исправлять ошибки», часть бывших бундовцев посчитала, что начавшаяся кампания, хотя она и не носила жесткого характера, тем не менее, имела далеко идущие планы. И они не ошиблись. Постановка этого вопроса на Бюро ЦК и рассмотрение бундизма как одной из главнейших «небольшевистских традиций во всех слоях организации», свидетельствовало о том, что партия просто так не оставит этот вопрос.

Выполняя решение Бюро все местные парторганизации в апреле-мае 1926 г. организовали обсуждение «Письма о евработе», концентрируя основное внимание на тех моментах, которые отметило Бюро. Итоги обсуждения показали, что местные партийные организации были согласны с тем, что в КП(б)Б как в никакой другой национальной партийной организации имеется много бывших бундовцев, поэтому тот факт, что в БССР развернулась «борьба против бундовских традиций» вполне обоснованна и оправданна. ЦК был удовлетворен обсуждением данного вопроса и констатировал, что «90 % выступающих правильно поняли поставленный центральным комитетом вопрос».

Однако это не означало, что ЦК ограничился только рассылкой письма и результатами его обсуждения. Это было только начало широкомасштабной политической кампании против бывших бундовцев. Важная роль в этой кампании отводилась Истпарту, который оправдал «доверие» ЦК. В его отчете за 1926 г. отмечалось, что «Кроме практической работы Истпарту приходилось так же вести идейную борьбу с некоторыми уклонами, которые наблюдаются в области исследования истории нашей партии и революционного движения. При вступлении в коммунистическую партию бундовцы сохранили свои традиции путем сохранения старого названия их печатного органа «Векер» и центрального партийного рабочего клуба имени «Гроссера» - одного из бывших лидеров «Бунда». В этой области Истпарт во многом помогал ЦК. Нами был поднят вопрос о переименовании газеты «Векер» в «Октябрь» и клуба имени «Гроссера» в клуб имени Ленина, что и было проведено в жизнь. Кроме этого, нами был задержан в печати сборник под названием «Ройте Блетер», («Красные листья»), который был подготовлен Еврейским отделом Инбелкульта. Сборник был задержан из-за того, что в нем была опубликована статья члена партии, который

¹⁵ НА РБ, ф.4, оп.3, д.12, л.158

идеализировал историю Бунда, писал, что в 1905 г. Бунд являлся неолевшевиетской организацией и что в некоторых местах Западного края бундовские комитеты были революционернее левшевиетских. В результате, эта статья была запрещена к печати, а некоторые – перерабатываются».

Активно подключилось к этой борьбе и Евбюро, которое в марте 1926 под грифом «совершенно секретно» направило всем окружкам и горрайкомам КП(б)Б письмо, в котором в разделе «Левшевиетизация еврейских рабочих масс» отмечалась необходимость «изжития идеализации Бунда, национальной ограниченности, цеховщины, хвостизма». Однако, мы специально не рассматриваем борьбу Евбюро ЦК КП(б)Б с Бундом, так как эта тема требует специального исследования.

1927 г. привнес в борьбу с Бундом и бывшими бундовцами новое, более злоеущее звучание, так как бундизм начал отождествляться с еврейским национализмом. Этот тезис прозвучал в отчетном докладе А.Криницкого на 10 съезде КП(б)Б (январь 1927 г.). В разделе «Еврейский национализм» он подчеркнул, что «В основном КП(б)Б провела большую внутреннюю работу по разъяснению опасностей проявления еврейского национализма в КП(б)Б. Эта работа в основном проведена в форме борьбы с пережитками Бунда, бундистской идеологии среди отдельных коммунистов, а так же среди рабочих».¹⁶

Следует отметить, что в Белоруссии борьба с «бундистским наследием» велась более последовательно и жестко чем во всесоюзном масштабе. В своей речи А.Криницкий отметил, что компартия Белоруссии имела значительные разногласия с ЦБ евсекций ЦК ВКП(б), которые сводились к тому, что ЦК КП(б)Б учитывая сильное влияние Бунда в Белоруссии предлагал вести жесткую идеологическую с «бундовскими пережитками». ЦБ евсекций ЦК ВКП(б) предлагало ограничиться ведением разъяснительной работы среди еврейских трудящихся о сущности бундизма. А.Криницкий, заканчивая выступление по этому разделу доклада подчеркнул, что «После всех разногласий, в итоге нашей постановки вопроса в ЦК ВКП(б) (коллегия АПО) была принята в основном наша постановка вопроса. Мы считаем, что в этом вопросе ЦК КП(б)Б провел значительную и большую работу».¹⁷

Необходимо отметить, что не только партийные организации всех уровней, Евбюро, Истпарт были вовлечены в борьбу с «бундовскими традициями», но в этой кампании важное место отводилось евреям-коммунистам, которым поручалось вести борьбу с «пережитками бундизма». Одним из первых, кто по поручению партийных органов предпринял попытку критики отдельных аспектов бундовской интерпретации революционного движения в Белоруссии, являлся С.Агурский. В своей первой крупной работе изданной на идиш, а затем и на русском языке («Еврейский рабочий в коммунистическом движении», 1926 г.) он

¹⁶ НА РБ, ф.4, оп.2, д.44, л.222

¹⁷ НА РБ, ф.4, оп.2, д.44, л.22

утверждал, что не может быть и речи ни о каком отождествлении позиции Бунда с позицией всех еврейских рабочих.

В том же духе была написана новая работа С.Агурского «Революционное движение в Белоруссии (1863-1917 гг.). Однако, печатный орган ЦК КП(б)Б «Большевик Белоруссии» подверг жесткой критике С.Агурского за то, что он «приписывал» еврейскому пролетариату ведущую роль в развитии революционной борьбы в Белоруссии, идеализировал Бунд, недооценил деятельность большевистских организаций.¹⁸

Несколько позже, в 1931 г. к критике работ С.Агурского «подключились» высшие партийные инстанции. Так, за «идейно-теоретическую эклектику», допущенную им он подвергся критике на ряде партийных съездов и пленумов. Так, на пленуме ЦК КП(б)Б (апрель 1931 г.) его упрекали за слабую марксистско-ленинскую подготовку, непонимание роли национально-освободительного движения в революционной борьбе, его классового содержания. В отчетном докладе первого секретаря ЦК КП(б)Б В.Шаранговича на 14 съезде партии (23-29 января 1932 г.) отмечалось, что С.Агурский идеализирует Бунд, неправильно освещает события Октября 1917 г. в Белоруссии, искажает историю большевизма и т.д.¹⁹

К критике взглядов С.Агурского добавилась критика еще одного еврейского партийного публициста М.Поташа, который в работе «Большевизм и мелкобуржуазные партии в революции 1905 г. в Белоруссии (1931 г.)» подчеркнул, что «Бунд и в революции 1905 г. являлся мелкобуржуазной, демократическо-революционной партией».²⁰ В связи с упоминанием имени М.Поташа интересно проследить эволюцию его взглядов на Бунд под «воздействием партийной, товарищеской критики». В работе «О революции 1905 г.» характеризуя деятельность мелкобуржуазных партий, он утверждал, что «Бунд и Белорусская Социалистическая Громада выступали в период подъема революции как революционно-демократические партии».²¹

Однако не прошло и года как М.Поташ начинает корректировать свои «научные взгляды», так как такие высказывания не могли бесследно пройти мимо партийных цензоров. Поэтому под влиянием «партийной и научно-общественной критики» М.Поташ пишет в «Большевике Белоруссии» статью - «Против фальсификации истории КП(б)Б и БССР», в которой уже утверждал, что «Бунд проповедовал буржуазную националистическую теорию национально-культурной автономии и с этих позиций он исходил в своих конкретных требованиях в национальном вопросе».²² По позиции Бунда, занятой им в период февральской и октябрьской революций, М.Поташ, «забыв», что писал год тому назад, утверждает, что «Бунд являлся самым преданным сторонником капиталистической реставрации в

¹⁸ В.Михнюк, Указ. Соч. С.144

¹⁹ В.Михнюк, Указ. Соч. С.145

²⁰ В.Михнюк, Указ. Соч. С.146

²¹ М.Поташ, О революции 1905 г., //Большевик Белоруссии, № 1-2, 1931, С.52

²² М.Поташ, Против фальсификации истории КП(б)Б и БССР // Большевик Белоруссии, № 19-20, 1932, С.75

Белоруссии и самым ярким врагом пролетарской революции».²³ Как видим, от «мелкобуржуазной революционности Бунда» в работах М. Поташа не осталось и следа.

Необходимо более подробно остановиться на 1932 г., так как именно в этом году в отношении Бунда были окончательно расставлены точки над «і». Коммунистическая печать квалифицировала деятельность Бунда за рубежом, а это естественно переносилось на бывших бундистов в Белоруссии, не иначе как «еврейский национал и социал-фашизм». В частности одна из первых публикаций на эту тему появилась в «Большевике Белоруссии» (№ 9 за 1932 г.), которая прямо называлась «Еврейский национал и социал-фашизм на службе у интервентов». Автором этой статьи являлся Х.Дунец, видный общественный и партийный деятель.²⁴

Не ослабла борьба с «бундистскими пережитками» и в 1933 г. Основная критика была направлена против еврейских ученых, работавших в Академии Наук БССР. Особенно жестким нападкам подвергся И.Чернявский, являвшийся руководителем исторической секции Института еврейской культуры АН БССР. За книги «Октябрьская революция и разложение еврейских мелкобуржуазных партий» (1932 г.), и «Еврейский рабочий в Белоруссии на заре рабочего движения» (1932 г.), опубликованные на идиш он подвергся жесткой критике за то, что борьбу еврейского пролетариата трактовал изолированно от проблем «совместной интернациональной борьбы пролетариата и крестьянства России и ее национальных окраин и т.д.»²⁵

«Грубое националистическое искажение истории» в работах И. Чернявского стало предметом критики на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)Б (февраль 1933 г.), партколлегии ЦКК, Секретариата и Бюро ЦК КП(б)Б, а так же на 15 съезде компартии Белоруссии (16 –22 января 1934 г.) Более того, антимакистские выступления «бундовца» И.Чернявского, Центральной комиссией по чистке партии (1933 г.) рассматривались не изолированно, а «являлись одной из форм активизации еврейского буржуазного национализма».²⁶

Февральский пленум ЦК КП(б)Б (23 февраля – 1 марта 1934 г.) окончательно вынес ему «коммунистический вердикт», подчеркнув, что «Мы имеем в последнее время наглое выступление Чернявского. Чернявский написал статью «Октябрьская революция и разложение еврейских мелкобуржуазных партий». В этой статье он проводит махровую контрабанду и идеализацию Бунда, фальсификацию основных фактов контрреволюционной деятельности еврейских мелкобуржуазных партий, еврейской буржуазии и т.д. В этой статье прикрывается контрреволюционная роль в рабочем движении, вплоть до Октября 1917 г. Бунда. Имеется явная апологетика Бунда».²⁷

²³ М.Поташ, Против фальсификации истории КП(б)Б и БССР, С.76

²⁴ Х.Дунец, Еврейский национал и социал-фашизм на службе интервентов // Большевик Белоруссии, № 9, 1932, С.49

²⁵ В.Михнюк, Указ.соч. С.138

²⁶ В.Михнюк, Указ. Соч. С.141

²⁷ НА РБ, ф.4, оп.20, д.96, л.68

Тезис «Бунд – еврейский национал фашизм» озвученный в 1932 г. развил в 1934 г. М.Поташ, опубликовавший в «Большевике Белоруссии» в 1934 г. статью - «Контрреволюционная роль Бунда в Октябрьской революции». В ней совершенно ясно прослеживаются, четыре тезиса, «характеризующие» Бунд. Во-первых, «Бунд с момента своего образования являлся мелкобуржуазной, реформистско-меньшевистской и националистической организацией, которая ничего общего не имела с революционной пролетарской марксистской партией». Во-вторых, в октябрьский период «Бунд всегда был в лагере врагов большевизма. В эпоху борьбы за октябрь, в октябрьской революции и после ее победы Бунд был в лагере контрреволюции, входящей в один фронт великодержавной и местно-националистической контрреволюции, которая боролась с оружием в руках против пролетарской революции».²⁸ В-третьих, в условиях строительства социализма, «Бундовские контрреволюционные элементы, представляли органическую часть всех недобитых еще буржуазно-националистических и кулацко-реставраторских элементов, которые предчувствуя приближение своей окончательной гибели оказывают бешеное сопротивление победоносному социалистическому строительству».²⁹ В-четвертых, «Бунд – так же как ППС (Польская социалистическая партия) есть третья партия буржуазии. Его развитие от социал-национализма к социал-фашизму – это тот самый путь, который прошла ППС и другие партии 2 Интернационала. Идеология Бунда контрреволюционна. Бунд проводит в массах еврейского пролетариата политику буржуазии, является партией социал-фашистской, или, иначе говоря, – умеренным крылом фашизма».

Есть основания утверждать, что партия «разобралась» с бывшими бундовцами во время проверки партийных документов в 1935 г., когда вновь возник «бундовский вопрос». Так, в докладной записке подготовленной в ЦК КП(б)Б «О выявленных в процессе проверки партийных документов выходцев из Бунда и других еврейских националистических партий» отмечалось, что «В результате проверки партийных документов вскрыта значительная группа из бунда и других еврейских националистических партий, не разоружившихся, служащих почвой для всевозможных контрреволюционных выступлений и создания антипартийных группировок. Всего выявлено по 76 принятым бюро ЦК КП(б)Б организациям и частично по остальным районам 113 выходцев из еврейских националистических партий. Из них выходцев из Бунда – 75, из сионистских партий (ЕС-СС, Гехолуц, Цукумфт) – 26 и из Паолей-Цион – 12».

Окончательные итоги проверки партийных документов показали, что наибольшее количество исключенных из КП(б)Б, выходцев из бывших «мелкобуржуазных» партий, представляли именно бундовцы, Так, всего было исключено 328 человек, из них бывших членов Бунда – 157, эсеров – 47, меньшевиков- 36, сионистов, 43, паолей-сионистов – 45.³⁰

²⁸ М.Поташ, Контрреволюционная роль Бунда в Октябрьской революции, С.76

²⁹ М.Поташ, Контрреволюционная роль Бунда в Октябрьской революции // Большевик Белоруссии, № 19, 1934, С.64

³⁰ НА РБ, ф.4, оп.40, д.526, л.179

Активную роль, в «выявлении бывших бундистов» играли органы НКВД, которые составляли их списки и направляли в ЦК КП(б)Б. Свидетельством этого является тот факт, что в конце 1935 г. в ЦК КП(б)Б был направлен список, включавший сведения о 18 бывших бундовцах, проживающих в Копыльском районе. Он был составлен районным отделом НКВД и заверен подписью начальника РО НКВД. При проводимых перманентных чистках партии, обменах партийных документов эти списки «всплывали» и служили своего рода компрометирующим материалом на бывших членов Бунда. Так, во время уже упоминавшегося обмена партдокументов списки всех бывших бундовцев, вошедших в 1921 г. в РКП(б), были затребованы проверочными комиссиями и послужили основанием для их репрессий. Например, в центральную комиссию ЦК КП(б)Б по проверке партийных документов из партархива ЦК КП(б)Б был представлен список на 59 членов бывшей Оршанской организации Бунда, с краткими сведениями о том, какие должности они занимают, где проживают на момент проверки (т.е. на 1935 г.). Аналогичный список, однако уже включающий 127 фамилий бывшей Могилевской организации Бунда так же был представлен в проверочную комиссию ЦК компартии Белоруссии. Практически такие же списки были представлены по всем районам БССР.

В связи с тем, что практически весь списочный состав бывших бундовцев попал в проверочную комиссию ЦК, то большинство из них во время проверки партийных документов в 1935 г. были исключены из партии. Часть из них была обвинена в антисоветской контрреволюционной деятельности и осуждена на различные сроки тюремного заключения, часть была уволена с работы и т.д.

Необходимо отметить, что эта статья не претендует на полноту исследования данной проблемы. За рамками исследования остались такие проблемы как персональные судьбы бывших членов Бунда, отношение евсекции при ЦК КП(б)Б к Бунду и т.д. Необходимо отметить, что белорусские историки на современном этапе развития исторической науки отошли и отказались от тех упрощенных, идеологизированных подходов и стереотипов в отношении роли и значения Бунда в революционно-демократическом движении в Белоруссии в начале 20 ст., которые господствовали в белорусской советской историографии. Например, в «Очерках по истории Белоруссии», подготовленных с участием известных белорусских историков и вышедших в 2-х частях в 1994-1995 гг. в разделе о революционных событиях первой русской революции 1905-1907 гг., февраля, октября 1917 г. роль Бунда в демократическом движении оценивается не так прямолинейно и негативно как ранее. Сделана попытка объективно и беспристрастно проанализировать его роль в тех неоднозначных и противоречивых социально-политических процессах, происходивших в Белоруссии в начале 20 ст.

Авторы отмечают, что не смотря на идейные разногласия Бунда с большевиками, эссерами, меньшевиками, БСГ Бунд тем не менее входил в революционно-демократический лагерь тех сил, которые боролись в

революции 1905 г. за свержение самодержавия, установление демократической республики, созыв Учредительного собрания, отстаивали право наций на самоопределение и т.д. Во время революции 1905-1907 гг. именно организации РСДРП и Бунда выступали в качестве инициаторов и руководителей движения солидарности с рабочими Петербурга, Москвы и других российских городов.³¹ Более того, во время высшего подъема революции осенью 1905 г. они возглавили в большинстве городов и местечек Белоруссии коалиционные советы и комитеты по руководству революционным движением рабочих.

Касаясь роли Бунда в революционном движении во время февраля и октября 1917 г., авторы очерков подчеркивают, что умеренные социалисты-революционеры, меньшевики, бундовцы имели значительное влияние в массах.. Бунд, по существу, оказался среди центристских сил, которые оказались слабыми и разрозненными, что бы суметь обеспечить плавный реформистский путь России и предотвратить новый социальный взрыв.

В результате октябрьского переворота в России была установлена диктатура рабочих и крестьян, которая на самом деле превратилась в диктатуру одной партии – партии большевиков. Все остальные партии, которые были не согласны с позицией большевиков, имели свой собственный взгляд на будущее развитие России автоматически были зачислены в категорию противников, с которыми большевики начали расправляться по мере упрочения своих позиций. Естественно, на все эти партии, в том числе и на Бунд, был навешен ярлык непримиримых врагов большевистской партии, советской власти. Произошло то, что Л.Троцкий назвал «сталинской школой фальсификации истории». Однако историки Беларуси отвергают такие упрощенные подходы и трактовки сложных, общественно-политических процессов, проходивших в Беларуси в начале 20 ст. Они стремятся объективно, без идеологических штампов рассмотреть роль и место Бунда как в истории революционно-демократического движения в Беларуси, так и историю политического уничтожения Бунда и бундовцев в коммунистической Беларуси.

А.Великий
к.ист наук
Ст. преподаватель
БГПУ имени М.Танка
Рабоч. тел.: 227 83 21
226 43 07

³¹ Очерки истории Белоруссии: в 2 ч. Ч.1 / М.П.Костюк, И.М.Игнатенко, Мн.:1994.-С.382